

П. О. Ильинский¹

**ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО: «Зимние заметки о летних впечатлениях» —
150 лет спустя, или Западная Европа глазами русского писателя
и русского консерватора**

...Хоть и возможен социализм,
да только где-нибудь не во Франции².
Ф. М. Достоевский

Иногда бывает так, что умный русский человек возьмет да и напишет что-нибудь не совсем соответствующее уровню его образованности и проницательности. И непонятно, вроде бы какой серьезный господин, а вот... И еще: этот милый человек с необычной точкой зрения бывает талантливым, иначе, сами понимаете, кто бы читал его запечатленные мысли, удачные и неудачные. Скажем прямо: в центре циклона часто стоит великий русский писатель, потому что более ничьи интеллектуальные дерзости нас, грешных, не интересуют и интересоваться не могут. Кому же интересны рассуждения политиков или политологов времен Очакова и покорения Крыма!

Великих русских писателей со странными мыслями ровно столько же, сколько великих русских писателей, ибо все они — люди со страстями и интересами. И все стали великими, сочиняя прозу, но одновременно, подгоняемые теми или иными желаниями, творили, как говорили в недавнюю эпоху, в публицистическом жанре.

Здесь перед нами встают, как любят писать авторы введливых рецензий, вопросы, вопросы... В самом деле, да одни и те же ли литературные гиганты создавали эту в лучшем случае необыкновенно наивную, а в худшем — поверхностную эссеистику и сочиняли «Ревизора», «Идиота», «Анну Каренину»? Разные, отвечает некая критическая школа; у классиков в жизни были периоды, «мы об этом подробно изложили в недавней монографии», один был умнее в молодости, другой в старости, у третьего все шло по синусоиде. И не путайте, добавляют другие, публицистику с художественными произведениями упомянутых титанов, которыми они, титаны, вошли в золотую сокровищницу... и далее по тексту.

Получается изрядное преткновение, иначе говоря, несоответствие высокопарных теорий тривиальным фактам. Во-первых, мы доподлинно знаем, что сии тексты очень разного качества сочинили одни и те же физические лица; во-вторых, нам известно, что почти те же самые мысли оные лица выражали и в некоторых своих беллетристических творениях, но там они, мысли, не шибко, что ли, выпирают. А иногда и совсем не выпирают. Вот здесь бы и успокоиться, потому что странные тексты великих писателей читают в лучшем слу-

¹ Ученый-биолог, поэт, прозаик, эссеист (США). Автор книг: «Перемены цвета», «Резьба по камню: четыре повести о непрерывности времени», «Долгий миг рождения: опыт размышления о древнерусской истории VIII–X вв.», «Легенда о Вавилоне», многочисленных научных и публицистических статей. Автор и член редакционного совета поэтического альманаха на русском языке «Флейта Евтерпы» (Бостон).

² Все цитаты приводятся по: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. (ПСС). Л., 1972–1990.

чае сотни, а их главные произведения — сотни тысяч (не будем замахиваться на большее, по нынешнему-то времени). Кому нужны несообразные думы человека-памятника, кроме литературоведов и биографов?

Но есть исключение — когда некоторые люди эти мысли используют. Либо для того, чтобы унижить гения: смотрите, какой он, вовсе не гений, а пустозвон, чтобы не сказать болван. Либо для того, чтобы выдать философские грехи классика за великие истины: это же гений (*наш* гений — подразумевается в скобках), и смотрите, вот что он говорит. Вы удивлены, вы об этом даже не задумывались, вы хотите еще раз взглянуть на обложку и сверить цитату? Сомнений нет, это он, наш гений, и это именно то, что он имел в виду. Поэтому немедленно меняйте свою незрелую точку зрения. Да-да.

Тут, конечно, с Достоевским никому не сравниться. Потому его столь часто используют и клянут. Чего только Федор Михайлович не высказал в письменном виде?.. Подробно перебирать эти материи — оставим специалистам, а сейчас попробуем проанализировать, пусть поверхностно, эмоции, питавшие нашего автора. Автор-то уж больно хорош, с этим почти никто не спорит (выпустим ради краткости отдельные противоположные мнения, пусть даже одно из них бунинское, а другое набоковское), но вот гостившие у него эмоции... И главное — до сих пор те же чувства посещают авторов (и не авторов) калибра гораздо меньшего, вследствие чего они (авторы) неизбежно привлекают суждения Достоевского в качестве доказательства собственных умозаключений.

Скажем, вот отношение к Европе (или Западу) в целом, на который все старинные инвективы о Европе с легкостью переносятся). Как-то всегда мысль о соседней и родственной цивилизации мучила русского человека, и величие тому не преграда, великих она тоже мучила. Какой-то прямо удивительный след оставил Запад в русском «духовном наследии» (ведь никто не сомневается, что Достоевский — это наше кровное духовное наследие?).

Суммировать легко. Первое путешествие Достоевского в Европу имело место в 1862 году и привело, в частности, к написанию несколько необычного, как сейчас бы сказали, травелога, известного как «Зимние заметки о летних впечатлениях»³. Читать его интересно, особенно потому, что, несмотря на большое количество проницательных замечаний по второстепенным аспектам жизни тогдашней Европы (в основном Франции и Англии, в меньшей степени — Германии), там нет почти ничего точного или достоверного касательно

³ ПСС. Т. V. С. 46–98. Все дальнейшие цитаты из Ф. М. Достоевского, не отмеченные сносками, взяты из этого текста.

главнейших черт культурного, политического и духовного развития означенных стран. Заметим, что высказанные в «Заметках» мысли автор в дальнейшем отнюдь не дезавуировал. Наоборот, включил этот достаточно злободневный текст в вышедшее несколько лет спустя собрание сочинений, а насчет дальнейшего — в «Дневнике писателя» и прочих статьях 1870-х годов, где что ни открой в *зарубежном разделе*, получится перл. То «Англия стала смотреть на наши успехи в Азии с несколько большей к нам доверчивостью» (1874)¹, то «уже не мечтательно, а почти с уверенностью можно сказать, что даже в скором, может быть ближайшем, будущем Россия окажется сильнее всех в Европе» (1876)².

Делать полный реестр бессмысленно, остановимся лишь на двух-трех пунктах. Автор «Заметок» доказывает кому-то, что в Европе вовсе не так все хорошо со свободами, как кажется неназваемому оппоненту. И слежка существует во Франции, и обязательная регистрация приезжих, и пресса, стреноженная до четких рамок, и парламент послушный (напоминает эта без известной проницательности нарисованная картина нечто вполне современное и не очень французское). В отношении Англии автора потрясают бездушность и механичность явленных ему достижений тамошнего научно-технического прогресса. И еще — очень он озабочен, как тогда говорили, проблемой пола. Везде в этом западном мире творится разврат, иногда слегка продажный, как во Франции («парижанка создана для любовника»; «браки по любви становятся все более невозможными и считаются почти неприличными»), а иногда откровенно рыночный, как в гиперкапиталистическом Лондоне (хотя и парижские торгаши досадили нашему путешественнику презрительно). Автора прямо тянет в места, где он может набраться соответствующих впечатлений: «Кто бывал в Лондоне, тот, наверно, хоть раз сходил ночью в Гай-Маркет. Это квартал, в котором тысячами толпятся публичные женщины... Даже жутко входить в эту толпу». Значит, входил. «Просмотрел [я] в иных местах такие вещи, что даже стыдно сказать. И в Париже просмотрел». И там — входил. Даже о рабстве в отделившейся тогда от США южной Конфедерации не забывает великий писатель — почти как собкор ТАСС. Объяснение лежит на поверхности. Конечно, адресатами этих посланий являются российские либералы, считающие, что на Западе (в Европе) *все хорошо*. Так вот, доказывает бывший обитатель «Мертвого дома», — не все. И готов даже за своими инвективами о рабстве забыть о том, что приехал из страны, отменившей крепостное право только год назад.

Поэтому в «Записках» нельзя найти ничего про английский парламент (он-то был вовсе не карманный), про механизм устройства Швейцарской Конфедерации, про научные открытия, переворачивавшие тогдашний мир и приходившие именно из тех стран, которые посещал Достоевский. Нет ничего о великом перевороте Реформации и Возрождения, создавшем те великие культурные ценности, которые он все-таки, подобно каждо-

¹ Достоевский Ф. М. Иностранцы события // ПСС. Т. XXI. С. 241.

² Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1876. Апрель // ПСС. Т. XXII. С. 122.

му послушному туристу, обозревал. Или не обозревал, чтобы не входить в культурный соблазн? «Я был в Лондоне, ведь не видал же Павла. Право, не видал. Собора св. Павла не видал». Ни слова о флорентийских и венецианских чудесах, созданных многовековым трудом граждан свободных республик.

Кстати, о братских христианских религиях Достоевский отзывается в высшей степени бранчливо и оскорбительно: «Католический священник выследит и вотрется в бедное семейство... делается другом дома и под конец обращает всех в католичество... Англиканский же священник не пойдет к бедному. Бедных и в церковь не пускают...» Это мнение, кстати сказать, тоже временем и опытом скорректировано не было. Доверимся Н. С. Лескову: «Достоевский... говорил то, что говорят и многие другие, то есть что православие есть вера самая истинная и самая лучшая», притом что «знал священное писание далеко не в [высокой] степени, а исследованиями его пренебрегал и в религиозных беседах обнаруживал более страстности, чем сведущности»³.

Вот прекрасное определение писаний великих русских сочинителей о предметах, которые они не понимают: страстность — в полном порядке, а *сведущность* хромает. Но коли в наличии страсть и талант, то в результате получается долгоиграющая конструкция — и все равно помноженная на отсутствие сведущности, даже если дар божий позволяет автору что-то не понимаемое им напрямую («по-английски я не знаю ни слова») почувствовать или угадать. Как ни крути, а в сумме получаются сапоги всмятку, только из самой лучшей кожи, хорошо проваренные и политые каким-то небесным соусом. Есть их все равно невозможно, можно разве только облизывать.

В произведениях художественных Запад (на котором Достоевский в общей сложности провел несколько лет) становится праздным Рулетенбургом («Игрок»), местом лечения и успокоения (Швейцария в «Идиоте») или отдыха проигравшихся петербургских шалопаев, вовлеченных в некрасивые истории (Эмс в «Подростке»). С Европой всегда связано что-то несимпатичное, исчерпанное. Достоевский-романист терпеть не может Запад — там живут только русские бездельники и русские неудачники. И живет на Западе сам, неустанно работая, да и, как теперь выяснилось, к когорте неудачников тоже не принадлежа. Но он не любит Запад еще с первой своей поездки. А за что его, спрашивается, любить? Там же нет ничего хорошего, одна страсть к наживе.

Автор «Заметок» проходит мимо гордой самодостаточности швейцарских и итальянских коммун (спустя несколько лет «Идиот» был полностью написан в Швейцарии и Италии, такова ирония истории). Издеваясь над французским буржуа, который больше всего на свете мечтает увидеть море («voilà la mer») и так любит «se rouler dans l'herbe» (повалиться на траве), демонстрируя единение с природой, наш едкий наблюдатель вовсе не обращает внимания на совершающуюся на его глазах революцию в живописи, наступающую

³ Лесков Н. С. О куфельном мужике и проч. // Лесков Н. С. Собр. соч. : в 11 т. М., 1956–1958. Т. 11. С. 147, 148.

эпоху “Dejeuner sur l’herbe” («Завтрак на траве»), написанного именно в 1862–1863 годах.

Вот о французском буржуа, который больше всего любит ездить за город и на отдых к морю, хочется сказать особо, но только после почтительного реверанса в адрес беспощадной критики, которой автор «Записок» подвергает французский бульварный театр. Ни один обозреватель современных российских мильных опер не написал ничего более точного и уничтожающего. Вывод прост: жанр этот низок, в истории культуры не остается, но умирать не собирается. Да и как могут умереть бесконечные варианты бессмертного сюжета: «Вдруг оказывается, что [герой] вовсе не сирота, а законный сын Ротшильда. Получаются миллионы. Но Гюстав гордо и презрительно отвергает миллионы». Или: «Сесиль, разумеется, по-прежнему без гроша, но только в первом акте; впоследствии же у ней оказывается миллион».

Постойте, вдруг закричит внимательный читатель, я это уже где-то видел, я помню! А как же-с, сказал бы г-н Лебедев, конечно, видели-с. «... Это того самого Семена Парфеновича Рогожина, потомственного почетного гражданина, что с месяц назад тому помре и два с половиной миллиона капитала оставил?» И страниц через сто с лишком: «Поздравляю вас, князь! Может быть, тоже миллиона полтора получите, а пожалуй что и больше. Папушкин был очень богатый купец»¹. Наследство — одно, второе, миллионы, роковые женщины, растление, убийство — не зря из «Идиота» вышел столь популярный сериал.

Но дело в том, что «Идиот» — не мильная опера и не драма Викторьена Сарду, а великая книга, до сих пор еще не прочитанная и не понятая, и к ней можно приложить слова самого Достоевского, сказанные о «Дон Кихоте»: «Это пока последнее и величайшее слово человеческой мысли... и если б кончилась земля, и спросили там, где-нибудь, людей: “Что вы, поняли ли вашу жизнь на земле и что об ней заключили?” — то человек мог бы молча подать “Дон Кихота”»². Или «Идиота».

Заметим, что литературных параллелей между князем Мышкиным и Ламанчским идалго — море разливанное, но не они представляют для нас интерес или, тем более, важность. Гораздо значительнее воздействие, которое эти образы оказали на реальных людей. Порождения буйной фантазии Сервантеса и Достоевского стали объектами конкретного пространства человеческой жизни, звездами с точными координатами, законами передвижения и параметрами излучения. Это не значит, что они поддаются объяснению — феномен не природный.

В 1943 году во фронтовом письме, говоря о смерти своего брата, только что погибшего на Курской дуге, дед автора этих строк упоминает «вопрос Ивана Карамазова» и на собственном опыте свидетельствует, что «подавление темной силы возможно только путем зла». И тут же пишет о том, что недавно ему «подвернулся в руки “Идиот”». Я перечитал его дважды и, как мне кажется, многое в нем понял. Понял значение мно-

гих тем, затрагиваемых в романе, как развитие одной и главной темы... Почему в «Идиоте» речь идет об эпилепсии? ... Это связано с темой синтеза, гармонии, которой посвящен весь роман. Мышкин задуман: свет, гармония, синтез “настигают” как результат болезни, припадка, то есть этот высший момент жизни духа является следствием болезни, следствием “низкого”, “животного”, “материального” состояния. Но что из того? Важно, что синтез все-таки наступает»³.

Важно, пишет офицер Красной армии 1943 года, что синтез все-таки наступает. Сто пятьдесят лет назад, работая над «Заметками», Достоевский находит неожиданную формулу, много более важную, нежели его свидетельства о Европе: «Напротив, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже гораздо в высочайшей степени, чем та, которая теперь определилась на Западе. Самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы... Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего не может и сделать другого... как отдать [себя] всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями». Именно эти слова давно рассматриваются как момент возникновения образа князя Мышкина.

Только вот что добавляет такой непрозорливый Федор Михайлович: «Беда иметь при этом случае хоть какой-нибудь самый малейший расчет в пользу собственной выгоды». И тут же замечает, что «сделать [этого] никак нельзя» иначе, как «бессознательно», «инстинктивно», когда каждая личность добровольно откажется от каких-то своих прав в пользу общины, а община, наоборот, их не примет, говоря: «Возьми же все и от нас. Мы всеми силами будем стараться, чтоб у тебя было как можно больше личной свободы... Никаких врагов, ни людей, ни природы теперь не бойся».

«Эка ведь в самом деле утопия, господа!» — приговора еще классик, думая, что тут-то он точно уел российских позитивистов (и иноземных тоже), не подозревая, что только что изложил идеал любого разумного общества, тот самый, на пути к которому Запад в последние двести с лишком лет продвинулся ближе, чем любая другая земная цивилизация.

И не увидеть ему из полуторастолетнего далека, как первым признаком того, что российское общество сделало сколько-нибудь уверенный шаг на том же самом длительном пути, будет желание мало-мальски зарабатывающего соотечественника Федора Михайловича немного se rouler dans l’herbe, ну а также, естественно, съездить к морю. Свобода личности удивительным образом наступает после валяния на траве, а не наоборот, такие, понимаете ли, правила у подлунного бытия.

Хотя не так все гладко. Автор «Заметок» откуда-то знает, что московские персонажи после бала у Фамусова обязательно отправляются на закат. «Любят у нас

¹ Достоевский Ф. М. Идиот // ПСС. Т. VIII. С. 9, 140.

² Дневник писателя. 1876. Март // ПСС. Т. XXII. С. 92.

³ Из семейного архива Б. О. Костелянца.

Запад, любят и *в крайнем случае, как дойдет до точки* (курсив мой. — П. И.), все туда едут... Поколение Чацких обоюга пола размножилось там, подобно песку морскому, и даже не одних Чацких: ведь из Москвы туда они все поехали. Сколько там теперь Репетиловых, сколько Скалозубов, уже выслужившихся и отправленных к водам за негодностью... Одного Молчалина нет: он распорядился иначе и остался дома, *он один только и остался дома* (курсив мой. — П. И.). Он посвятил себя отечеству, так сказать, родине... Фамусова он и в переднюю теперь к себе не пустит.

Ах, какая музыка для современного читателя, ни слова мимо цели, — и ведь это пишет русский консерватор! Посещает крамольная мысль: может, русскому, да и всякому писателю надобно писать только о предметах, которые он знает, и тогда настанет литературный рай?

Зачем ему Запад, зачем Федору Михайловичу Европа, которую он не любит, даже когда в ней живет? Которую не замечает, считает небылью, наваждением? И себя в ней — тоже не любит.

«И все это, и вся эта заграница, и вся эта ваша Европа, все это одна фантазия, и все мы, за границей, одна фантазия... помяните мое слово, сами увидите!»¹ — Достоевский напишет последние строки «Идиота» 29 января 1869 года во Флоренции. По ту сторону Старого Моста, у дороги к особняку Питти, в городе, по словам поэта, «славном не меньше тех же Афин», который создал половину западной культуры и которого великий писатель западной же (но и русской тоже!) цивилизации предпочел не заметить, а точнее, не мог заметить, связанный каторжной работой («уж год поч-

ти, как пишу 3½ листа каждый месяц»²), завершённой отправкой последнего фрагмента романа в «Русский вестник» с обыкновенным для него опозданием.

Цивилизация же не поставила это автору в упрек, а перевела его книги сначала на французский (для увеселения тех самых bourgeois, которые так любят voir la mer, а заодно почитать на пляже увесистый русский роман), потом на остальные языки континента, а еще спустя некоторое время повесила во Флоренции небольшой памятный знак на итальянском наречии (значит, для своих). Дескать, в этих местах (точнее, в здешних окрестностях, “questi pressi” — похоже, дом не сохранился, да и знает ли кто, где была эта съёмная квартира?) Федор Михайлович Достоевский на рубеже 1868–1869 годов закончил роман «Идиот». Но водрузят сию табличку все-таки не где-нибудь, а на самой главной улице южного берега Арно, которую не может миновать ни один любознательный турист, американец, европеец, китаец или русский. Кстати, в травелогге 1862 года про итальянцев нет ни одного дурного слова. Но проверяли ли это во флорентийской мэрии? Макиавелли обязательно проверил и одобрил бы земляков. Старик знал силу слов и знал, когда они становятся поступками.

Мы читаем и чтим автора «Идиота», а не «Заметок». Проблема Достоевского (да только проблема ли?), что без «Заметок» не было бы «Идиота». Или он был бы совсем другим. Как написала спустя почти целый век одна Санкт-Петербургская дама, «когда б вы знали, из какого сора»... Вот из такого.

Как хорошо, когда этот сор включает не только сибирскую каторгу, но и заграничные путешествия.

¹ Достоевский Ф. М. Идиот // ПСС. Т. VIII. С. 510.

² Из письма Достоевского к А. Н. Майкову. Цит по: Достоевский Ф. М. «Идиот». Примечания // ПСС. Т. IX. С. 383–384.